

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81:39+811.161.1'37:398.845

DOI: 10.17223/19986645/47/1

Е.Л. Березович, Т.В. Леонтьева

НАМЕК В ДИАЛЕКТНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ: ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ЧАСТУШЕК И ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ¹

В статье рассматриваются прагматические и семантико-мотивационные особенности функционирования слов, выражающих понятие намека, в русских народных говорах. Решаются следующие задачи: выявление лингвопрагматического своеобразия «наветок» как жанровой разновидности частушек; определение этимологии слова наветка; характеристика основных мотивационных особенностей других диалектных слов, обозначающих намек. Предлагается новое этимологическое решение: слово наветка 'намек' входит в гнездо вет- со значением говорения.

Ключевые слова: этнолингвистика, намек, частушка, наветка.

В настоящей статье речь пойдет о лексических единицах, обозначающих один из важнейших видов непрямого говорения – намек. Проблематика статьи тем самым относится к так называемой «лингвистике намека» (см.: [1. С. 443]), изучающей его как «сложный языковой и одновременно когнитивный феномен, позволяющий существенно расширить возможности передачи смысла в естественно-языковой коммуникации» [1. С. 443]. «Лингвистика намека» включает в себя изучение всего разнообразия многоликих способов воплощения намеков в тексте и системе языка. Нами рассматриваются прагматические и семантико-мотивационные особенности слов, выражающих понятие намека, в такой лингвокультурной среде, как русские народные говоры. Толчком для написания статьи стало знакомство авторов с ключевым словом нашего будущего текста – *наветка*. Знакомство произошло во время полевой работы топонимической экспедиции Уральского федерального университета (ТЭ УрФУ) в Костромской и Вологодской областях. Оказалось, что *наветка*, с одной стороны, является термином народной песенной культуры, за которым стоит разновидность целого фольклорного жанра – частушки «с подковыркой», а с другой стороны, «обычным» словом, функционирующим и вне фольклорного контекста и обозначающим намек. При этом данная лексема имеет неясную первичную мотивацию, выяснение которой помогло вскрыть специфику народных представлений о «непрямом говорении». Работа со словом *наветка* стимулировала интерес к фольклорным текстам, для которых оно служит обозначением жанровой разновидности частушек, и к

¹ Работа Т.В. Леонтьевой выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»). Работа Е.Л. Березович выполнена за счет средств проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

фактам системы языка, которые выражают тот же смысл, что и указанное слово. Отсюда задачи данной статьи: выявить лингвопрагматическое своеобразие «наветок» как жанровой разновидности частушек в русской диалектной среде; определить первичную мотивацию (этимологию) слова *наветка*; охарактеризовать основные мотивационные особенности других диалектных слов, обозначающих намеки. Особое внимание предполагается обратить на то, как отражается в изучаемом лексическом материале специфика деревенского сообщества, его социорегулятивный уклад, определяющий прагматику и мотивацию намека.

«Наветка» как жанровая разновидность частушек: лингвопрагматический анализ

Слово *наветка* (*наветочка*, *наведочка*) многократно зафиксировано ТЭ УрФУ в вологодских и костромских говорах в значении ‘песня, частушка, исполняемая на молодежных гуляниях и содержащая, как правило, сообщение о состоянии любовных отношений поющего с кем-либо из присутствующих’: «Дружил парень с девушкой и перестал. Все об этом знают. Она всё равно идёт и поёт наветку на гулянке, штё у нее отбили милого. Секрет она не открывает, но надо спеть. Споёт про соперницу – и ей легче станет. Пусть все видят, штё она лучше, штё поёт хорошо. Вот наветку и поёт для облегчения» (Шар, Рождественское)¹; «Наветки-ти парню поются и его подружке. Они догадываются, кому это поют» (К-Г, Титовщина); «Песни вот пели с подковырочкой, наветочки» (Шар, Завьялиха); «Я наветки вам напела, Мильный, в хиточку <во внимание> возьми. От моей ты супостатки Побыстрее отойди» (Шар, Бухалкино)². Слово часто используется в составе выражения *наветки давать* ‘намекать (обычно в частушке) на обстоятельства личной жизни кого-л.’: «*Наветки давали* – пели песни кому-то. В песнях выражают хоть жениху, хоть подружке чего. Чашше ругают. Про себя *наветки давали*. Не прямо скажут, а в песнях» (Шар, Сергеево); «Вот как раньше было? Она мне *даёт наветки*, а я её *отмачиваю* <отвечаю тем же>. Не надо *выговаривать* <оправдываться>. Если *выговаривать*, то я с неё снимаю грех и принимаю на себя. Пусть говорят, чего хотят. Я лучше пойду да *отпою* её <спою ей частушку с намеками>» (Шар, Плосково).

Исполнялись наветки во время плясовых – в каждом регионе своих. Например, на юго-востоке Костромской области плясали *ветлужского* (все участники гулянья), *сормово* (парни, мужчины), *двобечку* (девушки, женщины), *ходили шабалой* (парни, мужчины): «А *ветлужского* плясали, тогда наветки и

¹ Здесь и далее полевые записи ТЭ УрФУ оформляются с указанием на район записи и деревню; по умолчанию предполагается, что вологодские материалы содержатся в [2], костромские – в [3].

² Помимо этого значения, отмечаемого в записях ТЭ УрФУ как наиболее частотное, слово зафиксировано нами также в следующих значениях: ▪ ‘намеки’: «Могу я тебе наветкам слово дать – догадывайся. Наветкой сказать – не прямо» (К-Г, Муравьево); ▪ ‘наказ, предостережение’: «Наветку я даю тебе, этак вот говорят кому-нибудь, что вот “хорошо себя веди”. Мать дочке говорит, что ты не ходи к парням, не ложись, не спи, я тебе наветку даю» (К-Г, Крадихино); ▪ ‘недобрый слух, клевета’: «Я на тебя наговорила что-то плохое, пустила сплетню, наветку» (Ник, Большой Двор); ▪ ‘памятный подарок, напоминание’: «Наветочку, скажут, далá, платок на память» (Ник, Завражье); ▪ ‘предзнаменование’: «Наветка будет: сон приснится – радость или скорбь. Вот у меня. Сижу на кухне, птичка села на белильце <оконную раму>. А потом умер брат. Наветка была» (Ник, Серпово).

пели. Вот пою: “Пойду ветлужского плясать, На ногу дроле наступлю. За ним гоняется другая, Но и я не уступлю!”» (Шар, Бухалкино); «Пойду я на гулянье, вот и стану напевать, шчѣ разлюбил он меня. И ему напоёшь наветку, и ёй, шчѣ: “Перебѣчка подруга, Перебила у меня”. Это *двѣчка* называлось у нас» (Шар, Сергеево).

Как можно понять, поющие совершают «симметричные» – соотносимые друг с другом – речевые действия, что в диалектной лексике фиксируется антонимической парой (*на)петь* – *отпѣть* (*отпѣвать*) ‘спеть в ответ’: «Навѣтки дают друг дружке, одна поѣт, другая *отпѣает*. Дружков отбивают одна у другой» (К-Г, Еловино). То же может обозначаться и формулой *спеть* (*петь*) *встречную*: «Мане наветку спели, а она поѣт встречную. Мол, меня он теперь любит, будѣт мой. Вызывают тебя – отвечай, пой встречную» (К-Г, Титовщина). Таким образом, герои действия *перепѣваются*: «Ветлугая плясали да русского. *Перепѣвались* – одна то споѣт, другая ей на ответ поѣт. С частушками, да» (Вохом, Пономарево); «*Перепѣались*: ты споѣшь песню, а я *отпою*. Навѣтки давали про любовь. Мол, я у ей дружка отбиваю: “Ягодина изменил, Зачем вперед не предъявил? Я бы старого не бросила И шшас гуляла б с ним”» (К-Г, Смольянка). Каждая частушка – реплика в песенном диалоге.

Импульсом к исполнению *наветки* становится, как правило, любовный конфликт, обида – драматическое происшествие в личной жизни: «Если какая обида, то наветка пелася» (Шар, Столбцкое). Личное становится известным всем на молодежном гулянье. С.Б. Адоньева указывает на то, что частушечное состязание – форма обнародования конфликта специфической природы: «Он не является деструктивным для социума. Он нормативен» [4. С. 152].

Таким образом, слово *наветка* обозначает частушку «личного» содержания, но не используется по отношению к частушкам на другие темы (например, социально-политические). Эта жанровая разновидность частушек в вологодских говорах (белозерских) именуется еще *примерной частушкой* [4. С. 138]; исследователи же, не имея терминологического обозначения для одной единицы такой коммуникации, называют в целом поочередное исполнение частушек *словесным поединком* [5. С. 156], *частушечным агоном*, *праздничным частушечным состязанием* [4. С. 152] и т.д.

Значит, речь может идти о целой «частушечной акции», содержание и значение которой определяется деревенским социумом. Как известно, в народной традиции частушки выступают как форма публичного поведения (т.е. часть естественной коммуникации) на деревенских гуляньях. Исследователи приходят к выводу о социально-возрастных различиях исполнителей частушечной перебранки: например, девки «неприличных частушек петь не могли», но могли их исполнять парни, ходившие «шатаями» (группами), и мужики с бабами, которые образовывали свои кружки, отдельно от молодежи [4. С. 139–141]. Частушка рассматривается во всех случаях, независимо от различий прагматических контекстов, как «специфическое социальное действие» [4. С. 138], апеллирующее к норме через тематику антинормы [6. С. 39].

Частушка, спетая девушкой, может адресоваться парню: «Полюбила парня, наветку о ём спела. Про глаза: “У милого серые, Веселые и смелые”» (Шар, Сергеево); «Навѣтки-ти – это поют песню, парню девка споѣт, а то и

парень девке споёт. Девка дает понять парню, что он ей нравится. Раньше любили-то тайно» (Ник, Молодежный). Помимо признаний в симпатии, частушка могла содержать и обвинение, упрек: «Дролечка, двоих-то любишь, Обеим открываешься. Сегодня обе на гуляньице, Куда деваешься?» (Ник, Байдарово).

Парень поет частушки в ответ: «Наветки пели другу своему, в сердцах или дружбе, про хорошее или плохое. Наветки о том, у кого какая жизнь. Ну вот парень да девка дружат, а мать парня её не любит: “Ягодиночка моя, Скажи-ка матке-дурочке, Не ругала бы меня, Когда иду по улочке”» (Ник, Куданга); «Со весёлыя беседушки Пришёл на колунé. Сероглазая сударушка Трубу дала менé¹» (Шексн, Ершово); «Мене милка изменила. Говорит: гуляй один. Я один гулять не буду, Хватит этаких падún» (Шексн, Дубки); «Раньше реченька бежала, Теперь высохла она. Раньше девушка любила, Теперь бросила меня» (Шар, Плосково); «Зарастай, моя тропинка, По которой я ходил. Забывай меня, залёточка, Которую любил» (Шар, Плосково); «Ты играй, играй, гармонь, Играй, моя певучая, А нам, милая, с тобой Разлука неминуемая» (Шар, Плосково); «Ты залёточка, залёточка, Вертучие глаза. На тебя, моя залёточка, Надеяться нельзя» (Шар, Плосково).

Адресатом может быть и соперник: «Расхороший мой товарищ, Уж ты мне не поперечь. Отобью твою красивую, Тебе не устеречь» (Шар, Плосково); «Не ходи, товарищ, в поле, Росы не оббивай. Не завёл своей милашки, Так мою не отбивай» (Шар, Плосково).

Прямое обращение к сопернику или девушке вовсе не обязательно. Напротив, намек предполагает стратегию имплицитного обращения, т. е. такого, которое подразумевается, но не имеет вербального выражения, а текст частушки приобретает повествовательный характер: «Я иду, а мне навстречу Милый парочкой идет. Захватило моё сердце, Думала, не отойдёт» (Шар, Бухалкино); «Я залёточке своей: Расти, залёточка, скорей! Она росла, старалась – товарищу досталась» (Шар, Плосково); «У милашки русы косы Ниже пояса вились. Как за эти русы косы Мы с товарищем дрались» (Шар, Плосково); «Не пошёл бы на беседку Горюшко заманивать, Товарищ дролю отбивает, Замуж уговариват» (Шар, Плосково); «Мы с товарищем в беседку, Мой товарищ наперёд. Осердилась моя милка И конфеток не берёт» (Шар, Плосково). Поющий описывает состояние своих отношений с кем-либо: «Мы с милёночком стояли У поленницы, у дров. Развалилася поленница – И кончилась любовь» (Гряз, Болотово); «Подождите, не рубите у крылечка ёлочку. Я сама ее срублю, Когда забуду дролечку» (Гряз, Скородумка); «Отыграли мои пальцы По серебряным ладам. Отходили мои ножки За милой по следам» (Шар, Плосково).

Если же речь идет об измене, пение наветки может сопровождаться ритуалом с предметными атрибутами: «“Изменил – дак не заглядывай Во личико моё. Расцвету или повяну – Это дело не твоё”. Если изменит – так отсобачу! Он изменит – я ему вешаю *ошемётки* <лапти>на шею. Если на него ошемётки повесят, то ешшо и отбузят его. Это как знак измены» (Шар, Плосково). Упоминание об обычае «помечать» повешенными на шею лаптями

¹ Ср. волог. *прійти на колуне* ‘испытать измену в любви’, *дать трубу* ‘изменить в любви’ [2].

изменника или того, кому изменили, не единично: «Парень мой проводил другую девчонку – ну, изменил мне. Мне ошемётки навесят – лапти с оборкам. Это наветка» (Шар, Бухалкино). Как видим, *наветка*, будучи символически оформленным актом осуждения, может воплощаться не только вербальным способом.

Чаще всего исполнителями *наветок*-частушек выступают незамужние девушки – соперницы, которые ведут диалог, состоящий из колкостей, острот, угроз, намеков, обещаний расправы: «Товарка, холодно на улице, Поди надень сачок, Теперь нечего надеяться На дролин пиджачок» (К-Г, Трубовщина); «У меня парня отбила другая девка. Вот я наветку пою: Супостаточку свою Чем-нибудь уважу, Куплю вару на пятак, Всю её замажу» (К-Г, Матино).

Реже информанты говорят о том, что обмениваться *наветками* могли молодые парни, споря из-за приглянувшейся девушки. Сам по себе такой песенный спор между парнями вовсе не редкость, но слово *наветка* для него, видимо, не годится.

Иногда девушка намекает на связь с женатым мужчиной: «Я любила бедного, Любила и богатого, Признаюсь, девушки, Любила и женатого. Он жену свою не любит, Я не виноватая» (Шар, Плосково); «Я постукаю, побрякаю По раме кулаком, У кого ревнива баба – Погуляю с мужиком» (Шар, Плосково).

Наветка может содержать также условное обращение к подруге, за которым следует жалоба: «Задушевная подруга, Изменяет дорогой. Говорит, что некрасивая. Подумаешь, какой», «Задушевная подруга, Меня дроля изменил. Ну да ладно. Некрасивее Другую полюбил» (Шексн, Дубки).

Но наиболее частотно в текстах наветок упоминание соперницы, чей образ выполняет здесь важнейшую роль, а именно функцию «мишени»: это объект, на который направлено обвинение. Среди лексем, обозначающих соперницу в любви, можно назвать следующие:

– костр. и волог. *перебойка*, *перебóчка*: «*Перебойка* звонкая, Как иголлка тонкая, Как с крыши перекладина, Еще смеется, гадина»; «*Перебóчка* идет, Идет и не поклонится. Она боится поклониться – Шея переломится» (Шар, Плосково); «Наветки всё про *перебоек* пели: “*Перебойка* нарядилась В самый тоненький батист. Она пляшет, жопой вертит, У ей в жопе ревматизм”» (К-Г, Большое Раменьё);

– костр. *своячина*: «Ты *своячина* моя, *Своячина* хвалёная. В девяти водах умоешься – Да и то зеленая»; «Я *своячине* своей Все равно наботаю. Два-те года не дадут, А третий отработаю» (Шар, Бухалкино); ср. новг., волог. *свояня* ‘соперница в любви’ [7. С. 329], новг. *свояночка* ‘уменьш. к *свояня*’ («Две *свояночки* собрались, скоро третья подойдет») [Там же], ленингр. *своячка* ‘соперница; наперсница’ [Там же. С. 330], новг., яросл. *своячка* («Со *своячкой* сяду рядом, на одну скамеечку. *Своячку* честью попрошу, не отбивай статеечку») [7. Т. 41. С. 91];

– волог. *лиходёйка*, *лиходёечка*: «Много частушек. Интересное иное – про лиходеечек. Вот мы с тобой с одним парнем знакомимся, а он пошел от меня к тебе... Она-то пляшет, песни напридумывает, потом ежели другая придет, эта на отпев: “Помоги мене, подруга, Огород загородить, Чтобы этой *лихо-*

дейке К нам в деревню не ходить”. А она отвечает: “Я молоденькая девочка, Гуляю, где хочу. Хоть какие огороды Все равно перескочу”» (Шексн, Сизьма); «*Лиходеечка* моя Маленького ростика. Она похожа на собачку, Только нету хвостика» (Шексн, Сизьма); «*Лиходейка* съела пистик, Нечем яблоки толчи, Я у тебя не отбивала, Жидконогая, молчи!» (Шексн, Сизьма);

– волог. *супостатка*, *супостаточка*: «*Супостаточка* моя Модная-премодная. А поближе подойдет – Подпора огородная» (Гряз, Семенцово); «*Супостаточка* моя Модная-премодная. Изогнулась, извилась, Как вица огородная» (Гряз, Семенцово); «Наветки, наводки-то пели. Делят парня две девушки. Поют обе, щё на ум пришло. Одна другой поют меньше хорошего, чем плохого: “*Супостатка* – девка бойкая, Да и я девчонка-бой. Ты не думай, *супостаточка*, Не будет дроля твой”» (К-Г, Скородум). Ср.: новг., ленингр., свердл. *супостатка*, новг. *супостаточка* ‘соперница в любви’ («Я надену ремешки, подтянусь потуже, неужели, милый мой, я *супостатки* хуже»; «*Супостаточка* черна, Я ее белее») [Там же. Т. 42. С. 256].

Ср. в других регионах: пенз. *посёстры* ‘соперница’ [Там же. Т. 30. С. 152], иркут., свердл. *супёра*, том. *сопёра*, *сопёрка* ‘соперница в любви’ («Я свою *суперу* Веру посажу на небеса, посиди, моя *супера*, повыпучивай глаза») [Там же. Т. 39. С. 330], иркут. *супротивница* ‘соперница в любви’ («*Супротивница* сидит на стуле у заборочка, захочу, и полетят из головы гребёночки») [Там же. Т. 42. С. 262] и др.

Когда в частушечном агоне встречаются две девушки-соперницы либо двое парней-супротивников, можно говорить о с о с т я з а н и и: «Одна поёт наветку, другая – наперекор» (Шар, Плосково). Об этом свидетельствуют следующие коммуникативные тактики, к которым прибегают поющие.

В ы з о в. Исполнение частушек организуется на народных гуляньях так, что кто-то из собравшихся выходит на круг и поет, вызывая другого участника на разговор. К примеру, обиженная девушка приглашает к себе в пару соперницу.

И н в е к т и в а - о с к о р б л е н и е. Частушка в коммуникации такого рода служит заместителем формул прямого личного обвинения, которые непременно были бы произнесены, если бы между противницами завязался «бытовой» разговор вне «художественных» коммуникативных практик. Не случайно информанты комментируют содержание *наветок* с помощью слов *ругать(ся)*, *отсобачивать*, *напевать острее, злее, унижать, униженные песни* и др., при этом поясняя, что «раньше не ругались, а вместо этого пели»: «Наветки – *униженные песни*. Одна одну немного *унижала*. Такой был обычай, так было заведено. Ругаться не ругались, как теперя. Теперя в волосы могут въехать. А тогда поумней были. Песни вот пели с подковырочкой, наветочки. Пели на пару» (Шар, Завьялиха); «*Ругаются*, дак дают наветки – кто хорошие, кто плохие, вот это наветки» (К-Г, Смольянка).

В острой частушке разлучницу позорили, ей давались обидные характеристики: она и «тощая гадина», и «последняя из всех», и уродлива: «Супостатка <соперница в любви> звонкая, Как иголка тонкая. С крыши перекладина, Ешшо смеётся, гадина!» (Ник, Байдарово); «Изменил меня милёнок, Думал, в гору поднялся. Ниже среднего спустился – За последнюю взялся»

(К-Г, Смольянка). Ср. том. *сопёрка* ‘соперница’: «Ох, соперка моя, коротенькие ножки, голова, как у мыша, голос, как у кошки» [7. Т. 39. С. 330].

Угроза. В продолжение упреков и оскорблений сопернице сулилось уничтожение или по меньшей мере досадные неприятности: «Наветки напевали своей сопернице: “Я свою соперницу Увезу на мельницу. Ты крутись, мельница, Мелись, моя соперница”» (Шар, Завьялиха); «Перебоек за миленьким По бережку бежит. Догоню и рассчитаюсь – Две недели пролежит» (Шар, Плосково).

Объявление себя жертвой. Весьма важной стороной исполнения наветок является представление себя пострадавшей стороной, именно поэтому поступок милого открыто квалифицируется как *измена*: «Ягодinke за изменушку Чего и подарить? Вересовой ветки жалко, Хоть еловую сломить» (К-Г, Косково). В этом не стыдно признаться, но и важно объявить обо всем во всеуслышание, поскольку положение жертвы позволяет снискать расположение и сочувствие слушателей, ср. запись речи информанта: «Изменил мне парень, я-то плачу, а про себя знаю, что сама лучше той-то девки. Душа рвётся сказать. Парню чего скажешь – без толку. А при людях скажу. Наветку в песне дам, все поймут, меня-то пожалеют» (Шар, Быниха). Высказывая упреки изменщику и сопернице, девушка не только рисует их образы в черном цвете, но и создает собственный облик «честной девушки».

Все эти коммуникативные тактики нацелены на то, чтобы в глазах слушателей, составляющих общину, стяжать славу победительницы (победителя) в частушечном состязании, ср. описание информантами поражения соперницы: «Быват, так отпоют, что даже уходит, убежит» (Шар, Столбечкое); «Соперница наветки давала, пела. Вот ты ей какую частушку напеваешь, она слушает, заплачет да и пойдёт» (Шар, Печенкино). Победительница уверена в своей силе: «Отбивай, подруга, друга, Тебе с ним не совладеть. На твои колени сядет – На меня будет глядеть» (Шар, Плосково). Победе пострадавшей стороны может воспрепятствовать только бóльшая острота и убедительность ответных частушек. Ср.: «Умение “отпеться” высоко оценивается обществом» [4. С. 143].

Удивительно, что носители народной культуры истолковывают исполнение наветок как не обидную форму выяснения отношений в сравнении с личным разговором: «Вроде поют – и не обидно. В глаза-то обидно будет. Парень слушает, молчит уж, виду не показывает, вывод сделает» (Шар, Плосково). Вряд ли носитель городской культуры может согласиться с тем, что скрытый от чужих ушей упрек обиднее, чем открытое публичное выступление. Не случайно участники экспедиции, формулируя дефиницию для слова *наветка*, подчеркивали, напротив, кажущееся им очевидным свойство частушки – быть «обидной для адресата», исходя из своего понимания наветки как жанровой разновидности частушек. В толковании частушки информантами как не обидной формы сообщения-намёка нам видится точка пересечения традиционной этики и народной эстетики. В восприятии представителя деревенской культуры взаимодействие может быть прямым и опосредованным: грубость прямого, предельно ясного обвинения противопоставляется неопределенности, неясности очертаний намёка: «Наветки пели. Как вроде критикуешь, но не прямым текстом. Наветки были

про подружек-супостаток: “У милёночка одиннадцать, Двенадцатая я. Скоро всех он перелюбит, Будет очередь моя”» (Ник, Байдарово). Песенно-игровая форма, вероятно, ощущается как плоскость искусства, отличная от плоскости бытовых взаимодействий, т. е. интуитивно точно осознается символичность художественной формы – жанра частушки. Элемент сценической театрализованности сообщает частушечному изложению личной драмы неличный характер, обобщенность, опосредованность, помещает индивидуальное в контекст повторяющегося в жизни разных людей, обеспечивая дистанцию между личным и общественным, внутренним и внешним. Иначе говоря, частушки, отражающие тип любовного конфликта достаточно прямо, именуются *наветками* (т.е. намеками), поскольку эти тексты характеризуются прагматической соотнесенностью собственной, личной жизненной истории поющего с типовой ситуацией, обобщенной на определенном уровне и подвергнутой эстетическому закреплению.

Содержание *наветки* как разновидности песенного жанра весьма условно можно определить по основному значению этого слова, которое формулируется диалектными словарями как ‘намеки, предостережение’ [7. Т. 19. С. 153]. Песенные *наветки* имеют мало общего с той трактовкой *намека*, которая представлена в литературном языке (*намеки* ‘слово, выражение, в котором не полностью высказывается мысль, но дается возможность догадаться о том, что имеет в виду говорящий, пишущий’ [8. Т. 7. С. 326], ‘слова (а также жест, поступок), предполагающие понимание по догадке’ [9. С. 386]), хотя информанты и заявляют о том, что в частушках содержатся намеки: «Навётки давали. Я чего-то знаю про тебя, буду всяким примерам говорить, штёб не обидеть: “Если делом не поверишь, Я на песнях выпую!”» (Ник, Полежаево). Приведенный контекст дополним записанным от этого же информанта частушечным диалогом:

– Задушевная товарка,
Знаю новость про тебя.
Не хочу тебе рассказывать,
Расстраивать тебя.
– Задушевная товарка,
Говори, не бойся.
Если суженые есть,
Гуляй, не беспокойся.
– Задушевная товарка,
Начинаю говорить.
У тебя духаня Миша (Петя и др.),
Он уж хочет изменить.
– Ну и пусть он изменяет,
Миша-ягодиночка.
Но и он не расцветёт,
Повянет, как травиночка (Ник, Полежаево).

Куплеты, как видим, содержат недвусмысленную информацию, которая вовсе не нуждается в расшифровке и будет понята всеми слушателями. О конкретной адресности частушечного текста свидетельствует упоминание имен, событий, высказываний, узнаваемых деталей одежды (*голубая рубаха*–

ка, серые глаза), места, где живет возлюбленный (*далёко, недалёко*), и подобных частностей: «Полубила недалёко, Недалёко и идти. Только под гору да в гору Ручеёчек перейти» (Шексн, Сизьма); «Хорошо, да и не больно Подалёку с дролей жить. Нету вести никакие. Письмецо одно лежить» (Шексн, Дубки); «Поиграй повеселее Веселее этого. Ваши серые глаза Любила из-за этого» (Гряз, Погиблово); «Сенокосила, косила, Шевелила валики. Сероглазого милашку Забываю навеки» (Шексн, Починок); «Сероглазая залёточка, Глазами не води! Ты сама неладно сделала, А сказала: “Не ходи!”» (Шар, Плосково); «Изменил мне ягодинка, Думал, что на выгоду. Полно, серенькие глазки, Я чёрные найду» (Шар, Плосково). Для понимания таких намеков, т. е. «для вывода информации из буквального смысла текста», слушающему вовсе не требуются «нетривиальные мыслительные операции» [10. С. 465].

Частушка с намеком – это условное не прямое театрализованно-песенное действие, заданное традицией, которое заменяет выяснение отношений один на один. Привязкой к конкретной любовной истории служит в большей степени персона исполнителя или исполнительницы, чем текстовые детали. Благодаря этому свойству частушки поются многократно, повторяются на разных территориях и всякий раз несут сообщение о частном случае вечного сюжета – «любовного треугольника». Именно поэтому информанты редко говорят о том, что частушка сочиняется, – она обычно воспроизводится. Собственно намеком и является не столько иносказание или упоминание детали, по которой слушатели должны восстановить весь смысл, всю ситуацию, сколько применение «старой», известной частушки к «новым» отношениям. Частушка – идеальная неиндивидуализированная форма изложения личной информации. Под общеизвестным куплетом маскируется личное, и маскировка эта в силу привязки текста к поющему весьма условна, поскольку в деревенской общине всё обо всех известно.

Условие исполнения частушек с намеками в замкнутом коллективе, каким является молодежь одной деревни, объясняет отсутствие подобного явления в городской культуре, где любовная частушка утрачивает способность выразить намек на конкретную личную историю, так как слушатели не могут соотнести содержание частушки с определенной парой или любовным треугольником. Именно поэтому «любовное» содержание частушки само по себе не может служить основанием ее отнесения к типу «наветка»: намек как социально-коммуникативная стратегия реализуется исключительно при условии адресного исполнения любовной частушки внутри микроколлектива, а в прочих обстоятельствах пение таких частушек имеет развлекательную функцию и не оказывает влияния на отношения и роли людей, образующих социальную группу.

Наветка же содержит намек в том его варианте, который А.Н. Баранов обозначил как «регулярный намек», т. е. «легко вычисляемый, реконструируемый» (*прозрачный намек, прямой намек, обычный намек, открытый намек, явный намек, несомненный намек, недвусмысленный намек, грубый намек*), противопоставленный по параметру тривиальности / нетривиальности «истинному», или «сложному», намеку [1. С. 451–452].

Характеризуя намек как способ косвенного информирования, И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер называют в числе его основных мотивов такой:

«...буквальное выражение некоторого смысла может быть расценено как поступок, нарушающий те или иные социальные нормы» [10. С. 463]. В приложении к исполнению наветок это утверждение означает, что в деревенском крестьянском социуме публичная апелляция к мнению общины и обнародование изменения состояния любовных отношений в своей возрастной группе составляют социальную норму.

Исполнение наветок «встроено» в систему «общественного (общинного) реагирования».

Во-первых, мотивом к вступлению в песенный поединок может быть переданный кем-либо и дошедший до ушей девушки или парня слух об измене милого или возлюбленной. Сплетни оказывают в малом социуме весьма ощутимое влияние на общественное мнение. В этой «системе оповещения» и зарождается конфликт: межличностное становится предметом наблюдения и обсуждения в общине.

Во-вторых, показателен сам факт обращения человека, испытывающего любовные страдания, к обычаю как выработанному народной традицией инструменту воздействия, желание заручиться поддержкой окружающих. Сознанию современного городского жителя такая установка незнакома. Личные неудачи скорее будут скрыты от чужих глаз, чем вынесены на всеобщее обозрение – даже в песенно-игровой форме. Однако в деревенском социуме взаимодействие влюбленных опосредовано общиной. По верному замечанию С.Б. Адоньевой, исполнение частушки «не является свободным действием: к нему принуждают нормы традиционного поведения в группе», «придя на беседку, девушки и парни должны плясать и петь, а следовательно, высказываться на тему своих отношений» [4. С. 160].

В-третьих, намерение исполнителя *наветки* заключается в обнародовании знания о слухе и публичном ответе. Ср.: «Частушка – публичная форма оповещения о том, кто и с кем в качестве милого / милой и кто кому соперник в группе на данный момент, чьи любовные отношения обществу следует считать недействительными, кто считает себя “свободным”, кто – “занятым”» [Там же. С. 156]; «Предмет частушечных сообщений – оглашение распределения отношений между членами молодежного сообщества» [Там же. С. 145]. Личное и общинное, тайное и явное балансируют здесь так же, как предполагаемое и достоверное (поющий часто «авторизует» информацию, указывая на то, что узнал об измене от кого-то другого, помещая этот факт посередине между правдой и вымыслом). Межличностные отношения и «общественные» не образуют два разных плана коммуникации, они не сосуществуют параллельно, а сливаются, переплетаются и оказывают взаимную поддержку. Личные отношения выносятся на игровую сцену, но за форматом плясовой песни и игровых перебивок скрыта апелляция к мирскому суду. Исполнитель, если он сторона страдающая, вызывает к общине как хранительнице норм одобряемого и порицаемого, надеется на ее соучастие безвинно обиженному и честному: «Обнародование личного – чувства, оценки, потребности – призывает публику в свидетели, вручая сообществу право контролировать, ратифицировать, одобрять или осуждать» [Там же. С. 179]. Соответственно, «супротивник» или «супостатка», отвечая на обвинение или намеренно, с вызовом зате-

вая игровое пение, прилюдно заявляет право и готовность пойти против мнения общины, любить вопреки, невзирая на свою неправоту.

Роль адресата *наветки* определяет коммуникативную функцию рассматриваемой разновидности жанра. С одной стороны, частушка обращена к сопернице («супостатке»), с другой – она исполняется с учетом того, что все слышит возлюбленный, стоящий тут же, среди присутствующих, а третью сторону представляет публика, принадлежащая той же возрастной группе, и свидетели из числа старших членов общины, соседей, поскольку частушки исполнялись во время гуляний молодежи по улицам деревни. Ср: «Обязательная публичность частушки предполагает, что у нее есть и “прямой адресат” / слушатель, на кого непосредственно направлено сообщение-текст, и “коллективный адресат” – аудитория, которой предлагается “авторский” взгляд на события»; «<исполнитель частушки> делит ответственность за сказанное с коллективом» [6. С. 38–39]. Публичная частушечная перебранка имеет своим предметом репутацию: «Стяжание “славы” – социальная задача девушки и парня, ибо “слава” – то, что она или он вынесут из этого возрастного сообщества в следующее – взрослое, то что в значительной степени определит возможность членов этой группы стать хозяевами (брак) и их позицию в среде хозяев» [4. С. 154]. *Наветка* как жанровая разновидность частушек, таким образом, имеет назначение не развлекательное, а глубоко прагматическое, связанное как с тактическими рокировками на сцене складывающихся предбрачных отношений в молодежной среде, так и с реализацией стратегических задач приобрести и закрепить за собой в будущем доминирующие позиции в своей социальной среде, доказать свою состоятельность.

О происхождении слова *наветка*

Обратимся к самому слову *наветка*. Каково его происхождение? На первый взгляд здесь нет проблемы: *наветка* кажется образованием от лит. *навет* ‘наговор, ложное обвинение’, восходящего к праслав. **navěť*, образованному от **navětiti* ‘наговаривать, клеветать’ [11. Т. 19. С. 229–230], которое, в свою очередь, выводит на глагол **větiti* ‘говорить, оповещать’ [12. С. 46–47] (в гнездо этого глагола входят слова *вече*, *завет*, *обет*, *ответ*, *привет*, *совет* и др. [Там же. Т. 7. С. 67]). Но версия относительно связи с *наветом* встречает два возражения.

Во-первых, слово *навет* трактуется в словарях современного русского языка как книжное, что несколько ослабляет возможность появления у него диалектных производных.

Во-вторых (и это главное возражение), в русских говорах наряду с формой *наветка* отмечается и *наведка* (СРНГ считает последнюю форму основной, помещая оба слова на алфавитное место *наведки* [7. Т. 19. С. 153]). В значении ‘намеки, предостережение’ слова отмечены в следующих говорах: амур., арх., волгогр., вят., забайк., казан., костр., краснояр., морд., моск., перм., прибайк., пск., сарат., свердл., твер., тобол., том., р. Урал, яросл. [13. Т. 2. С. 475; 14. Т. 19. С. 250; 15. Т. 5. С. 26; 16. Т. 2. С. 8; 17. Ч. 1. С. 577; 7. Т. 19. С. 153; 18. Т. 2. С. 320; 19. Т. 2. С. 159]). При этом *т* и *д* могут стоять не только в слабой позиции – перед *к*, но и в сильной, в формах *наведочка* и *наветочка*: волог., перм., пск. фольк. *наведочку* (*наветочку*), *наветочки да*

вать ‘намекать на что-л.’: «Послушай, ягодка, припевочки, Подруженька поет; В припевочках миленочку Наведочку дает» (пск.) [7. Т. 19. С. 153; 14. Т. 19. С. 250]. В нашем полевом материале форма *наветочка* отмечена 4 раза, а *наведочка* – 2; ср. примеры: «Надушёная товарка, Не давай *наветочек!* Мне и так прохождению нету От твоих соседочек!» (К-Г, Маслово); «*Наведочку* дала, что парень изменил» (Шар, Рождественское).

Конечно, при потере этимологических связей варьирование *д // т* возможно, но какую форму считать первичной? Есть аргументы в пользу того, чтобы трактовать так именно *наведку*, для которой в этом случае следует предположить связь с глаголом *ведать* ‘знать’. Эта версия вполне состоятельна в плане словообразования, поскольку есть *наведки* с другими значениями, в составе которых корень *вед-* выделяется весьма убедительно: пск., твер., сев.-двин. ‘посещение, наведывание кого-либо’¹, костр., сев.-двин. ‘узнавание чего-либо, наведение справок о чем-либо’: «Сделай наведку, там ли он» [7. Т. 19. С. 153]; можно напомнить и о слове с другой приставкой – *разведка*. Что касается семантики, то здесь сложнее: в гнезде глагола *ведать*, кажется, нет значений, связанных с наговорами, клеветой и проч. (см.: [12. Т. 6. С. 162–166]).

Изучая формы на *д*, можно выдвинуть и другое предположение – о связи *наведок* с глаголом *навести* (*наводить*). На это наталкивает приведенная выше формулировка одного из значений *наведки*: ‘узнавание, наведение справок о чем-л.’. Глагол *навести* семантически «подходит» нам больше, чем предыдущий, поскольку среди его значений есть такие: арх. ‘наговаривать’, пск., твер. ‘клеветой смущать кого-либо’, арх. ‘напеть’ [7. Т. 19. С. 172], ср. также мурман. *навести сплетни* ‘насплетничать’, костр. *наводить на обман* ‘провести, обмануть’ [Там же]. В русском просторечии есть слово *наводка* (от *наводить*), которое, как и *наведка*, часто употребляется в сочетании *давать наводку* ‘дать какой-либо ориентир’. В истории русского языка у слова *наводка* было важное для нас значение – ‘ложное обвинение, донос’ [20. Т. 10. С. 36]; фиксируется также интересное сочетание, актуализирующее связь глагола и образованного от него существительного: *навести наводку на кого-л.* ‘донести на кого-л.’ [Там же]. Будучи убедительной с точки зрения семантики, эта версия слабее предыдущей в плане словообразования: в гнезде глагола *вести* (*водить*) существительные с суффиксом *-к-* имеют корневое *о* (*наводка, проводка, обводка* и т. п.), а не *е*.

Итак, предположения о первоначальной связи *наветок-наведок* с *ведать* или *вести* встречают возражения. Несмотря на них, ЭССЯ включает интересующие нас *наветки-наведки* в значении ‘намеки, предостережения’ (среди других значений этих слов) в гнездо **navědъ* [11. Т. 23. С. 222], считая их, таким образом, связанными с *ведать* ‘знать’.

Однако, как нам кажется, стоит вернуться к версии относительно происхождения этого слова от *навет* и поискать дополнительные аргументы в ее пользу. Они обнаруживаются в истории русского языка. Интересующее нас слово отмечается в источниках с XVII в.: *навѣтка* ‘наущение, подстрека-

¹ Ср. также новг., твер. *наведы* ‘посещение роженицы ее подругами, знакомыми, родственниками’ [7. Т. 19. С. 154].

тельство, козни', 'косвенное обвинение, намек, поучение обиняками': «Кошку бьютъ, а невѣстке навѣтки даютъ» (Симони. Пословицы. XVII в.) [20. Т. 10. С. 32]. Словари, фиксирующие лексику XVII–XIX вв., не дают форм с *д*. При этом иллюстративные контексты позволяют судить о том, что *наветка* встречалась за пределами «высокого штиля» речи. Так, большинство контекстов XVIII в., представленных в [21. Т. 13. С. 140; 22; 23. Т. 1. С. 1036], несут на себе черты разговорной языковой стихии: это отрывки из комедий Е.Р. Дашковой и Я.Б. Княжнина, из письма М.В. Ломоносова. О «народности» этого слова свидетельствует и его пословичное употребление: приведенная выше пословица о невестке и кошке из сборника Симони отмечена (с вариациями) в «Словаре Академии Российской», в словаре В.И. Даля и в ряде современных диалектных словарей (в статьях на слово *наветка*).

Таким образом, *наветка* с момента самых ранних своих словарных подтверждений была народно-разговорным словом, что говорит об органичности фиксации его в говорах. С точки зрения семантики предположение о его производности от *навета* выглядит вполне убедительным, ср. *навѣт* 'навет, наговор, клевета', 'наущение, подстрекательство', 'тайные враждебные умыслы и действия, козни, посягательства', 'нападение, вылазка, удар (?)' [20. Т. 10. С. 31–32]; значение 'клевета' отмечено и у наших вологодско-костромских *наветок*: «Я на тебя наговорила что-то плохое, пустила сплетню, наветку» (Ник., Большой Двор). Сам *навет*, воспринимаемый сейчас как слово «высокого штиля», раньше не был сугубо книжным: к примеру, в словаре В.И. Даля фиксируются поговорки «Конь не без навета<укора>», «Одному вред – всем навет» [24. Т. 2. С. 390], в псковских говорах есть *навет* 'плохое качество чего-либо, порок' [14. Т. 19. С. 263]. Что касается формальной стороны этой версии, то ее подкрепляют другие слова, представляющие собой фонетически и словообразовательно убедительные производные от *навета*, которые имеют также и явную смысловую связь с ним и с *наветками*: *навѣтник* 'наводник, смутник, наговорщик, клеветник' [23. Т. 1. С. 1035–1036], *навечать*, *наветовать*, *наветничать*, *наветить* 'наговаривать, наклеветать, обносить кого, взводить напраслину' [24. Т. 2. С. 390] и др. Глагол *навечать* представлен в наших костромских записях, при этом информант осознает его родство с *наветкой*: «Наветку какую дашь. В лицѣ не скажут, а наветкой выразят. Навечают мне» (Шар, Бухалкино).

Фиксация формы *навечать* (а не **наведать*, **наведывать* etc.) – сильный аргумент (в ряду других) в пользу того, чтобы подкорректировать позицию составителей ЭССЯ: по нашему мнению, слово *наветка* 'нарекание' производно не от *ведать* 'знать', а от *навета*, – и входит тем самым в гнездо *вет-* со значением говорения. В этом случае формы типа *наведочка* следует объяснять как деэтимологизацией, так и вторичным сближением с *ведать* или *наводить*, которое вызвано формально-смысловым сходством слов.

Как было показано выше, в народной культуре личностный намек закономерно проходит «горнило» опосредования в социуме и облекается в символическую форму. Соответственно, *наветка* становится термином народной песенной (и шире – символической) культуры (частушка с намеком или предметный знак, выражающий социальное осуждение). Это значение слова, отмеченное пока только в восточных районах Вологодской и Костромской

областей, наверняка имеет более широкое распространение (это еще предстоит выяснить). С другой стороны, значимость самого рассматриваемого явления определяет обилие способов лексического воплощения представлений о намеках в системе русских говоров. Об этом следующий раздел данной статьи.

Основные мотивы, реализующиеся в русской диалектной лексике со значением намека

Полный семантико-мотивационный анализ русских диалектных слов со значением намека мог бы быть представлен в отдельной (и немалой по объему!) работе. В данной статье мы выбрали лишь наиболее характерные примеры, чтобы обозначить основные мотивационные линии, реализуемые в изучаемой лексике.

▪ Намек может быть обрисован в рамках ситуации **коммуникации**. Это в первую очередь неполноценная коммуникация, причем неполноценность может трактоваться в «количественном» ключе, когда намек подается как «полуречь» или «недоречь»: арх., новг., свердл. *полурѣчье* ‘намеки, недомолвки’ («Начисто сказывай: да иль нет? А то все полуречье ведешь») [7. Т. 29. С. 161], костром. *недомолком* ‘не вполне ясно; намеком’ («Недомолком молвил он — и все-таки все поняли, на что он намекал») [Там же. Т. 21. С. 26], ср. также общенар. *недомолвка* ‘умолчание о чем-нибудь существенном, недоговоренность’, волог. *недомолка* ‘недомолвка, недоговорка’ [Там же]¹. Гиперболизация этой линии приравнивает речь с намеками к немоте и использованию мимики вместо слов: курган. *немтовать* ‘объясняться намеками’ [Там же. С. 87], краснодар. *говорить на пантаманы* ‘говорить намеками’ [Там же. Т. 25. С. 199]. Что касается качественного аспекта речи с намеками, то она может рисоваться как невнятное бормотание, ср. ворон. *мормонуть* ‘сказать, напомнить, намекнуть’ [7. Т. 18. С. 268], волог., латыш., эст., олон., зап.-брян., пск., твер. *мормотать* ‘бормотать’, пск., твер. *мормотень* ‘о том, кто говорит неясно, неразборчиво’ [Там же]. Такая речь сродни эху, отголоску, — если верно то, что терск. *райком* ‘стороной, обиняком, хитростью’ («Я к нему райком, прямо спросить не посмел») [Там же. Т. 34. С. 86] можно соотнести с нижегор. *райко* ‘эхо, отголосок’, нижегор., яросл., заурал. *райко* ‘гулко, звучно, отдаваясь эхом’, б/у места *райкий* ‘звучный, гулкий, отголосистый’ [Там же].

Намеки надо раскрывать, расшифровывать — и образ такой расшифровки представлен в костр., яросл. *говорить (баять) под титлами* ‘говорить с намеками, загадочно, не договаривая’ («Ты баешь под титлами» (костр.)) [Там же. Т. 44. С. 139]. Этот образ апеллирует к старописьменной практике постановки надстрочного титла над сокращенно написанным словом. Любопытно и такое выражение, как горьк. *принцами говорить* ‘говорить намеками, недомолвками, неясно’ («Его скоро-то не поймешь, он принцами говорит») [Там же. Т. 31. С. 319]. Вероятно, слово *принц* — диалектная модификация литературного *принцип*, которая отражает представление о «заумности» речи

¹ Интересно, что и сам глагол *молвить*, имевший изначально семантику «полноценного» говорения, может получить (возможно, «бриколажем» от *недомолвок*) значение речи с намеками: твер. *молвиться* ‘намекать’ («Он молвился приехать к нам, хоть и не говорит впрямь») [7. Т. 18. С. 214].

со всякими «принципами»¹. Ассоциацию «заумности» и «недоступности» простому сознанию, возможно, усиливает и вторичное притяжение к «сказочному» слову *принц*.

В рамках «коммуникативной» мотивационной стратегии, реализующейся в изучаемой лексике, следует рассматривать и такие глаголы, которые подчеркивают сигнально-ориентирующую роль намека: перм. *надмаячить* 'намекнуть' («Она мне надмаячила, что собиралась ехать, а ему ничо не сказала») [7. Т. 19. С. 238], сев.-двин. *надтакнуть* 'поощрить, посоветовать, намекнуть' [Там же. С. 253], юж. *натякивать* 'намекать' [Там же. Т. 20. С. 244]. Эта же логика лежит в основе слов с корнем *мет-*, которому в данном случае необходимо приписать значение 'метить': сев.-двин. *надмётка* 'намек' [Там же. С. 239]; волог. *надмёток* [15. Т. 5. С. 34], волог., новг., пск., твер. *намётка* 'намек' [7. Т. 20. С. 36; 2], ряз. *намётки намётывать* 'намекать на что-л.' [Там же. С. 36].

▪ Ситуация намека, безусловно, включает и когнитивную, **интеллектуальную** составляющую, по логике которой *намекнуть* = «надоумить». Здесь следует привести как общенародное *намек*, так и диалектные слова с корнем *мек-*: пенз., влад. *мекать* и симб. *мекать* (удар.?) 'знать кое-что, намекать' («Все испугались. Третий товарищ возьми да мекни: – Здеся, – гри, – убили одну женщину») [Там же. Т. 18. С. 94], амур. *надмёк* 'намек' [Там же. С. 238], сев.-двин., арх., ср.-урал. *надмекать* 'намекать' («Надмекал мне, да я не поняла») [Там же]; перм. *надомекать* 'намекать' («Ну, надомекают часто, что сын плохо держит») [Там же. С. 245]; смол. *помекать* 'сделать намеки, намекнуть на что-л.' [Там же. Т. 29. С. 203]. Производящим является, очевидно, глагол *мекать* в значении 'думать, соображать', широко распространенный в русских говорах (ср.-урал., нижегор., твер., костр., новг., вят., перм., казан., сарат., пенз., ряз., тул., волог., влад., ворон.) [7. Т. 18. С. 94].

▪ Ситуация намека может изображаться как **перемещение в пространстве**. Намек предстает как «обходной маневр», при этом используются образы кругового движения, изгиба. Идея непрямого (кругового) движения проявлена в урал. *обаполлом* (удар.?) 'не прямо, обиняком' («Да ты говори уж лучше прямо, а то подъезжать обаполлом – зря только время терять»), образованного от урал. *обаполлом* 'кругом, не прямо (ехать)' [Там же. Т. 21. С. 349]. Тот, кто намекает, не говорит прямо, а «колесит» вокруг содержания речи: б/у места *колесить* 'говорить намеками, обиняками' [Там же. Т. 14. С. 126], б/у места *околёсица* 'обиняк, намек', волог. (в знач. сущ.) *околёсная* 'уклончивый, с намеками разговор', волог. *околёсный* 'уклончивый, с намеками (о разговоре)' («Сперва начнет околесными разговорами речь доводить, да и доведет так, что и не рад, да дослушивай») [Там же. Т. 23. С. 138]. Корень *кол-* 'круг' представлен и в ворон. *окольность* 'речь, разговор стороной, обиняком, намеком' («Что ты, земляк, без дела несешь какую-то окольность непонятную, а настоящего дела не говоришь») [Там же. С. 147]. Мотиву кругового движения близок мотив отклонения, уклонения, который представлен общенародным словом *обиняк* 'намек, недомолвка', его диалектными deriva-

¹ О том, что слово *принцип* попадает в говоры в качестве вторичного заимствования, свидетельствует хотя бы орл. *ставить принцип* 'упорствовать, упрямиться' [7. Т. 31. С. 319].

тами и фразеологизмами с его участием: б/у места *обиня́чить* ‘говорить обиняками’ («Тут нечего маячить: не велят обинячить <поговорка>») [7. Т. 22. С. 63], колым. *закидывать обиняка́ (обиняки́)*, заонеж., олон., колым. *обиняка́ми накидывать* ‘намекать на что-либо, говорить намеками’ (*Закинуть обиняка; Все обиняками накидывал*) [Там же], пск *говорить обоняко́м* ‘говорить обиняком’ [Там же. С. 171]. Слово *обиняк* родственно устар. *обинуясь* ‘колеблясь’, которое входит в гнездо глагола **obvinǫti* (к гл. **viti*), имеющего первоначальное значение ‘обвить, обвязать’, далее ‘уклониться’; сходная модель представлена в паре глаголов *крутить* и *выкрутиться* [25. С. 536].

В описываемый ряд можно поставить и лексемы, во внутренней форме которых образно воплощен признак изгиба – коленом или клюкой: арх. *колéно* ‘наме́к’ [7. Т. 14. С. 124], арх. *заклю́ка* ‘иронический намек на что-л.’, арх. *говорить с заклю́ками, заклю́ки загибать* («Он мне-ка все заклюки загибал, да я уж терпел»), волог. *закоклю́чина* ‘острое, едкое словцо; намек’ [Там же. Т. 10. С. 134, 140].

Другой поворот пространственной образности отражен в словах, в мотивировке которых заложена идея перемещения объекта (направленного или разнонаправленного) – кидания, махания: моск. *накидывать* ‘наме́кать’ [Там же. Т. 19. С. 318], твер., ворон. *закидки* ‘намеки’ («Сам бы он не заговорил: какие-нибудь закидки были и с ее стороны», «Наконец, разными закидками стал спрашивать, кто он и откуда») [Там же. Т. 10. С. 123]; костр. *пома́хнуть* ‘сказать о чем-л., наме́кнуть на что-л.’ («Я знаю, куды ты собираешься: по грибы – и не помахнеш») [Там же. Т. 29. С. 201].

Итак, в рамках ситуации перемещения в пространстве намекающий субъект предстает движущимся к своей цели не прямо, а по кругу, уклоняясь, изгибами, а собственно намек изображается как некий перебрасываемый от говорящего к слушающему предмет. Отсюда можно сделать переход к следующей мотивационной группе, в рамках которой описывается воздействие намека на слушателя.

Намек может трактоваться как своеобразное **физическое воздействие** – как правило, **деформирующего** или **раздражающего** свойства. Намек приравнивается к деформации поверхности – нанесению зазубрин, колупанию, ковырянию: арх. *зazúбра* ‘о язвительном наме́ке’ (*Что ни слово, то зазубра*) [Там же. Т. 10. С. 98]; твер., калин., смол. *подколу́пывать* ‘поддевать, колоть кого-л. в разговоре (насмешливым замечанием, наме́ком и т.п.), придира́ться к кому-л.’ [Там же. Т. 28. С. 42]; разг. *подковырка* ‘стремление поддеть, уколоть кого-либо в разговоре (насмешливым замечанием, наме́ком и т.п.)’, омск. *на подковыр (говорить)* ‘с насмешливым наме́ком, с подковыркой’ («Ей люди-то все на подковыр говорят, век глаза колют за сына-то») [Там же. Т. 28. С. 39], твер. *подковырять* ‘поддеть, уколоть кого-либо в разговоре (насмешливым замечанием, наме́ком и т.п.)’ [Там же], свердл. *подковырничать* ‘придира́ться, язвить, колоть кого-л. (насмешками, наме́ком и т.п.), подсмеиваться’ («Всё бы ты, подковырка, подковырничал») [Там же]. Намек сродни прокалыванию, «гвождению»: разг. *подкалывать* ‘уязвлять каким-либо колкими замечаниями, наме́ками’, влад. *забо́йка* ‘намек, ирония’

[Там же. Т. 9. С. 262], влад., перм. *загвóздка* 'язвительное слово, замечание, намек' [Там же. С. 359].

Действие прокалывания может быть жалящим, обжигающим: волог. *стрекáть* 'указывать на что-либо, делая намек' («Нечего стрекать-то, я сам не с двух по пятому, понимаю») [7. Т. 41. С. 309], смол. *настрýкать* 'сказать не прямо, а намеками; намекнуть' («Я не стерпела, в разговоре ей настрýкала») [Там же. Т. 20. С. 200], – от простореч., диал. *стрекать* 'колоть, обжигать чем-л. колющим, жгущим' [8. Т. 14. С. 1020–1021; 7. Т. 41. С. 308]¹.

Другого рода раздражающее действие – дерганье: новг., твер., перм. *поддёргивать* 'делать обидные намеки на чей-л. счет, высмеивать' («Худого я тебе, братец, не сделал: к чему же ты меня поддёргиваешь?») [7. Т. 27. С. 388]. Возможно, сюда же рост. *смыкануть* 'намекнуть кому-л. на кого-, что-л.' [Там же. Т. 39. С. 72], если иметь в виду связь этого глагола с юж. *смыкнуть* 'дернуть, щипнуть что-л.' [Там же. С. 73].

Очевидно, в группе обозначений намеков, производных от обозначений деформирующих действий, следует рассматривать и пск., твер. *попички* (мн.) 'колкости, упреки, намеки' («Попички в глаза») [Там же. Т. 29. С. 317]. Это слово родственно общенародному *пичкать*, которое является производным на *-kati* от гл. **pičati* / **pičiti*, связанного с **pikati* (блр. *пикаць* 'совать в лицо, в нос', болг. *пикнам* 'засунуть, запихнуть', макед. *пика* 'класть во что-н., набивать', словен. *pikati* 'жалить, колоть') [25. С. 646]. Данное гнездо широко представлено в говорах – и, возможно, слово *попички* продолжает значения вят., коми, сиб. *пичкать* 'тискать, мять, давить', костр. 'толкать' [7. Т. 27. С. 59]. От этих слов нельзя оторвать пск., твер. *спичка* 'колкий намек' [Там же. Т. 40. С. 153]; пск., твер. *ставить, запустить спичку, спички кому-либо* 'сделать обидный намек кому-либо' («Что ты мне спички ставишь, на себя посмотри») [Там же]. Очевидно, слово *спичка* 'намек' образовано в гнезде *пичк-*, но с возможным притяжением к общенародному *спичка*, которое производно от *спица* (с точки зрения семантики такое притяжение мотивировано остротой и «колкостью» этих орудий).

Выделенные мотивы, относящиеся к коммуникативной, интеллектуальной, пространственной сфере, а также сфере физического воздействия, рисуют сложный и многогранный сценарий намек. Намек предстает как целостное, но внутренне поляризованное действие: не случайно, к примеру, в пространственной образности совмещаются мотивы обходного, окольного движения и резкого «переброса» намек от говорящего к адресату; такая же диалектика наблюдается при изображении намек как акта коммуникации, где «недоречь», «полуречь» соседствует с императивно-сигнальным «маяченьем» с помощью намек-попрека. Воссозданный сценарий дополняет картину, полученную нами при анализе *наветки* как жанровой разновидности частушек.

¹ Здесь можно вспомнить и общенар. *подстрекать* 'побуждать к чему-либо (обычно плохому, неблагоприятному)'; о его происхождении из диал. *стрекать* 'колоть, жалить' см. [25. С. 675].

* * *

В заключение несколько слов о своеобразии представленного лексического и текстового материала, репрезентирующего семантику намека, в контексте той диалектной среды, в которой он функционирует.

Коммуникативная тактика намека представляет собой одну из своеобразных черт традиционной народной культуры. Это следует из особенностей концептуализации представлений о сущностной основе намека во внутренней форме диалектных слов, служащих его обозначением, а также из коммуникативного контекста, сопровождающего исполнение частушек, называемых *наветками*.

Частушечное состязание соперничающих в любви – феномен уникальный, характерный для крестьянской деревенской культуры в силу следующих причин:

– обстоятельств его организации: частушечный агон такого рода имеет смысл только в условиях малой общины, поскольку от собравшихся ожидается, что они знают исполнителей *наветок* и дела их сердечные, становясь участниками действия на правах общественных арбитров и свидетелей, фиксирующих акты сохранения либо перераспределения ролей влюбленных в своей возрастной группе;

– этнокультурных установок, лежащих в основе обращения к тактике намека: обнародование любовных отношений опирается на «встроенное» в сознание диалектоносителя представление о неразрывности связи между личным и общинным и о норме взывания к общественному суду, т.е. вовлечения общины в регулирование личных взаимосвязей.

Наветка как жанровая разновидность частушек реализует прагматические установки:

(1) на ментальное действие соотнесения содержания частушки, текст которой обычно не придумывается, а воспроизводится, с определенными лицами из числа присутствующих во время исполнения частушек, т.е. на ментальное действие догадки, отсюда использование в таких частушках лексем интеллектуальной сферы – *догадается, хиточка* ‘внимание, соображение, толк’: «Нам наветки напевают, Можно в хиточку не взять. Не в одной деревне жили, Где же каждую песню знать?» (Шар, Бухалкино). Концептуальная основа намека как указания на участников гуляний имеет решающее значение для оформления рассматриваемого феномена – частушечных агонов как коммуникативных акций, значимых для малого замкнутого коллектива;

(2) на непрямой характер межличностного взаимодействия между субъектами «любовного треугольника» («Не прямо говорит, а дает наветки, намеки, предупреждает, загадывает вперед (Ник, Байдарово)), т.е. на опосредованность коллективом, поскольку в личное разбирательство намеренно вовлекается община с ее правом знать положение дел и судить о нем, выражать порицание или одобрение.

Исполнить *наветку* означает переложить часть своих ожиданий и требований к поведению кого-либо на общину, которая должна принудить ответчика к «правильным, нравственным» отношениям. *Наветок* как коммуникативного феномена не было бы, если бы для этого не было прочного основа-

ния в виде социокультурной платформы, которая, в частности, включает в себя признание участниками коммуникации – жителями русской деревни – социорегулятивной роли общины.

«Пикировки» наедине друг с другом ощущаются носителем традиционной культуры как остро конфликтные ситуации, а потому нежелательные, не позволяющие сохранить достоинство: «Сошлись две женщины и одна другой наветки давала. Знает штё-то про тебя и дает наветки, штё знает, а в глаза не выскажёт» (Ник, Борок); «Свекровка ругает дочку, а снохе наветку дает, чтоб делала хорошо» (Шар, Берзиха); «Пришла и давай мне наветки давать, поругались мы с ей, как в грязи вымазала» (К-Г, Нижняя Ентала).

Приведенные контексты, обнаруживающие возможность употребления слова *наветка* вне традиций исполнительства, объективируют роль слова *наветка* в представлении не только особого символического любовного кода народной культуры, но и специфической социально-коммуникативной стратегии, характерной для деревенского сообщества. Эта стратегия отражена и в иных, нежели слово *наветка*, лексических репрезентациях идеи намека. Как говорилось выше, мотивационные модели, воплощенные в лексике намека, рисуют его как внутренне поляризованное действие, что согласуется с прагматическим своеобразием рассмотренного фольклорного жанра.

Список сокращений районов

Вохом – Вохомский район Костромской области
Гряз – Грязовецкий район Вологодской области
К-Г – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Ник – Никольский район Вологодской области
Шар – Шарьинский район Костромской области
Шексн – Шекснинский район Вологодской области

Список сокращений

амур. – амурские говоры русского языка
арх. – архангельские говоры русского языка
болг. – болгарский язык
брян. – брянские говоры русского языка
б/у места – без указания места
влад. – владимирские говоры русского языка
волгогр. – волгоградские говоры русского языка
волог. – вологодские говоры русского языка
ворон. – воронежские говоры русского языка
вят. – вятские говоры русского языка
горьк. – горьковские говоры русского языка
диал. – диалектное
забайкал. – забайкальские говоры русского языка
зап.-брян. – западно-брянские говоры русского языка
заурал. – [записанное на территории] Зауралья
иркут. – иркутские говоры русского языка
казан. – казанские говоры русского языка
калин. – калининские говоры русского языка
колым. – колымские говоры русского языка
коми – коми-пермяцкие говоры русского языка
костр. – костромские говоры русского языка

краснодар. – краснодарские говоры русского языка
краснояр. – красноярские говоры русского языка
курган. – курганские говоры русского языка
латыш. – латышское: русские говоры на территории Латвии
ленингр. – ленинградские говоры русского языка
лит. – литературное
макед. – македонский язык
морд. – мордовское: русские говоры на территории Мордовии
моск. – московские говоры русского языка
мурман. – мурманские говоры русского языка
нижегор. – нижегородские говоры русского языка
новг. – новгородские говоры русского языка
общенар. – общенародное
олон. – олонечские говоры русского языка
омск. – омские говоры русского языка
орл. – орловские говоры русского языка
пенз. – пензенские говоры русского языка
перм. – пермские говоры русского языка
праслав. – праславянское
прибайк. – прибайкальские говоры русского языка
простореч. – просторечное
пск. – псковские говоры русского языка
р. Урал – русские говоры, записанные по реке Урал
разг. – разговорное
рост. – ростовские говоры русского языка
ряз. – рязанские говоры русского языка
сарат. – саратовские говоры русского языка
свердл. – свердловские говоры русского языка
сев.-двин. – северо-двинские говоры русского языка
сиб. – сибирские говоры русского языка
симб. – симбирские говоры русского языка
смол. – смоленские говоры русского языка
словен. – словенский язык
ср.-урал. – среднеуральские говоры русского языка
твер. – тверские говоры русского языка
терск. – терские говоры русского языка
тобол. – тобольские говоры русского языка
том. – томские говоры русского языка
тул. – тульские говоры русского языка
урал. – уральские говоры русского языка
фольк. – фольклорное
эст. – эстонское: латышское: русские говоры на территории Эстонии
юж. – южные говоры русского языка
яросл. – ярославские говоры русского языка

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистика намека // Язык как материя смысла: сб. ст. к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. М., 2007. С. 443–461.
2. *Картотека* Словаря говоров Русского Севера (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра русского языка и общего языкознания).
3. *Лексическая* картотека топонимической экспедиции (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра русского языка и общего языкознания).

4. *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: Амфора, 2004. 312 с.
5. *Агапкина Т.А.* Этнографические связи календарных песен : встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М.: Индрик, 2000. 334 с.
6. *Эмер Ю.А.* Частушка как народная рефлексия ценностной системы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 313. С. 39–42.
7. *Словарь русских народных говоров.* М.; Л., 1965. Вып. 1.
8. *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.* М.: Наука; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 1–17.
9. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
10. *Кобозева И.М., Лауфер Н.И.* Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47, № 5. С. 462–470.
11. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд.* М., 1974. Вып. 1–.
12. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. М., 2007. Вып. 1.
13. *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002–2003. Т. 1–4.
14. *Псковский областной словарь с историческими данными.* Л., 1967. Вып. 1–.
15. *Словарь вологодских говоров.* Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.
16. *Словарь донских говоров Волгоградской области.* Волгоград, 2011.
17. *Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия.* СПб., 2013. Ч. 1–2.
18. *Словарь русских говоров Сибири.* Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.
19. *Словарь русских говоров Среднего Урала.* Свердловск, 1964–1987. Т. 1–7.
20. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975. Вып. 1.
21. *Словарь русского языка XVIII века.* Л., 1984. Вып. 1.
22. *Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].* URL: <http://ruscorpora.ru/>
23. *Словарь Академии Российской (1789–1794).* М., 2001–2005. Т. 1–6.
24. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1989). Т. 1–4.
25. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова.* М., 2007.

HINT IN DIALECT LINGUOCULTURAL ENVIRONMENT: FOLKLORE GENRE AND LEXICAL REPRESENTATIONS OF THE NOTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 5–27. DOI: 10.17223/19986645/47/1

Elena L. Berezovich, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: berezovich@yandex.ru

Tatyana V. Leontyeva, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: leotany@mail.ru

Keywords: ethnolinguistics, hint, ditty, *navetka*.

The article discusses the pragmatic and semantic-motivational peculiarities of functioning of words that express the notion of hint in the linguistic and cultural environment of Russian folk dialects. Main attention is paid to the word *navetka* recorded by the members of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin in Kostroma and Vologda regions. On the one hand, the word *navetka* is a term of folk song culture: it denotes a folk genre: ditties “with a catch”. On the other hand, the word *navetka* is functioning out of the folk context as the designation of a hint. This word has an uncertain primary motivation, the clarification of which allows to reveal the specifics of people’s ideas about “indirect speech”. The article completes the following tasks: determines the linguopragmatic features of the genre *navetka* in Russian dialectal environment; identifies the primary motivation (etymology) of the word *navetka*; characterises the main motivational features of the other dialect words denoting hint. A new etymological solution is suggested: the word *navetka* ‘hint’ derives from the word *navet* rather than from the word *vedat* ‘to know’, and thereby it is included into the word family of *vet-* with speech meanings. The authors pay special attention to the facts of the language system which share the same meaning ‘hint’ as the word *navetka*.

The semantic and motivational analysis of Russian dialectal words with the meaning of hint showed a number of motivational models. For example, within the situation of moving in space the hinting subject appears to be moving towards its goal not directly, but in a circle, dodging, by curves, and hint actually is depicted as an object moving from the speaker to the listener. In addition, hint can be interpreted as a kind of a physical impact, typically with deforming or irritating properties. Ethno-cultural features of the studied vocabulary are commented, predetermined by the socio-regulative way of the village community. It is proved that the communicative tactics of hint is one of the fundamental features of traditional folk culture. This follows from the peculiarities of conceptualization of ideas of the ontological basis of hint in the inner form of dialect words that denote it, and from the communicative context, accompanying the performance of ditty called *navetka*. The ditty contest between rivals in love is a unique phenomenon, characteristic of peasant culture because of the circumstances of its organisation and ethno-cultural attitudes that underlie the appeals to the tactics of a hint. The performance of ditties of this kind makes sense only in a small community because the audience is expected to know the performers and their relations, to play the role of public arbitrators and witnesses, fixing the acts of preservation or redistribution of the roles of lovers in their age group. Disclosure of romantic relationships relies on the dialect speaker's ideas of the continuity of the connection between personal and communal and on the norm of calling to the public court, the involvement of the community in the regulation of personal relationships. To perform *navetka* means to shift some of expectations and requirements for behaviour of someone in the community, which is to force the defendant to the "right, moral" relations.

References

1. Baranov, A.N. (2007) Lingvistika nameka [Linguistics of a hint]. In: Lyapon, M.V. (ed.) *Yazyk kak materiya smysla: sbornik statey k 90-letiyu akademika N. Yu. Shvedovoy* [Language as a matter of meaning: a collection of articles for the 90th anniversary of Academician N.Yu. Shvedova]. Moscow: Azbukovnik.
2. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Department of the Russian language and general linguistics. (n.d.) *Kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa* [The card file of the Dictionary of the dialects of the Russian North].
3. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Department of the Russian language and general linguistics. (n.d.) *Leksicheskaya kartoteka toponimicheskoy ekspeditsii* [Lexical card file of the toponymic expedition].
4. Adon'eva, S.B. (2004) *Pragmatika fol'klora* [The Pragmatics of Folklore]. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Amfora.
5. Agapkina, T.A. (2000) *Etnograficheskie svyazi kalendarnykh pesen: vstrecha vesny v obryadakh i fol'klоре vostochnykh slavyan* [Ethnographic links of calendar songs: greeting of spring in the rites and folklore of the Eastern Slavs]. Moscow: Indrik.
6. Emer, Yu.A. (2008) Chastushka kak narodnaya refleksiya tsennostnoy sistemy [The chastushka as folk reflection of the value system]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 313, pp. 39–42.
7. Filin, F.P. (1965) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka.
8. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 tomakh* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Moscow: Nauka; Leningrad: USSR AS.
9. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N. Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
10. Kobozeva, I.M. & Laufer, N.I. (1988) Ob odnom sposobе kosvennogo informirovaniya [On one method of indirect informing]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 47:5, pp. 462–470.
11. Trubachev, O.N. (ed.) (1974) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
12. Anikin, A.E. (2007) *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian etymological dictionary]. Vol. 1. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
13. Malecha, N.M. (2002–2003) *Slovar' govorov ural'skikh (yaiskikh) kazakov* [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks]. Vols 1–4. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo.

14. Larin, B.I. et al. (ed.) (1967) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Vol. 1. Leningrad: St. Petersburg State University.
15. Panikarovskaya, T.G. (ed.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of the Vologda dialects]. Vols 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
16. Kudryashova, R.I. (ed.) (2011) *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don dialects of the Volgograd region]. Volgograd: Izd-vo VGIPK RO.
17. Mikhaleva, T.V., Semenkova, R.V. & Chikina, L.K. (2013) *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya* [Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia]. Vols 1–2. St. Petersburg: Nauka.
18. Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2006) *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Vols 1–5. Novosibirsk: Nauka.
19. Vovchok, P.A., Kostina, N.P. & Matveev, A.K. (ed.) (1964–1987) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Vols 1–7. Sverdlovsk: Ural State University.
20. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
21. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
22. The National Corpus of the Russian Language. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru/>.
23. Bogatova, G.A. (ed.) (2001–2005) *Slovar' Akademii Rossiyskoy (1789–1794)* [Dictionary of the Russian Academy (1789–1794)]. Vols 1–6. Moscow: MGI im. E. R. Dashkovoy.
24. Dahl, V.I. (1880–1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. 2nd ed. Vols. 1–4. St. Petersburg; Moscow: Tip. M.O. Vol'fa.
25. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2007) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkluycheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information on the origin of words]. Moscow: Azbukovnik.